ВЫСТАВКИ

Орловские художники в Белгороде

В Белгороде завершила работу II Всероссийская художественная выставка "Возрождение". Жители и гости древнего русского города впервые получили уникальную возможность познакомиться с более чем тысячью работ ведущих живописцев, графиков, скульпторов, народных мастеров, иконописцев из двадцати девяти республик и областей нашей страны. По оценкам устроителей за время работы выставки ее увидели около 20 тысяч посетителей.

Двадцать девять участников представляли орловскую организацию Союза художников России.

Открытие выставки было приурочено к большому празднику Белогорья — 300-летию со дня рождения Святителя Иоасафа, Белгородского чудотворца, одного из самых почитаемых русских святых. Этот духовный посыл определил направленность, звучание, настроение выставки, ставшей словно бы местом встречи светского и церковного искусства.

На открытии выставки секретарь Союза художников России, член-корреспондент Российской Академии художеств Г.И. Праворов напомнил, что Союз художников России никогда не терял связи с родной духовностью и православной культурой. Эта связь выражалась по-разному. В том числе, через стремление доносить в своих произведениях художественные образы родной земли, через пейзаж, через отражение богатого внутреннего мира людей, чьи портреты создавались художниками. В последние десятилетия вновь появились возможности возрождения утраченного, восстановления связей с православной духовностью, которая питала культуру России.

Далеко не все произведения, которые были представлены на выставке, имеют прямую связь с православной традицией. Но дух дышит где хочет, согласно евангельскому слову. Видимо, вовсе не обязательно изображать в пейзаже храм, для того чтобы передать чувство благоговения и восхищения мирозданием. А на портрете может быть изображен не святой, и даже не священник, чтобы зритель задумался о том, как глубок и прекрасен может быть человек.

Орловский живописец А.Г. Костянников, например, представил на выставке портрет драматурга Розова. Предложение о приобретении работы уже поступило от Белгородского государственного художественного музея.

Надо сказать, что это не единственная работа, которую белгородцы захотели оставить у себя, художественный музей пожелал приобрести и пейзаж О.М. Душечкиной "Калуга. Казанская церковь у Красной горы".

В обзорной статье, написанной главным редактором журнала "Художник" Б.У. Грековым для каталога, изданного к закрытию выставки, отмечен целый ряд работ орловских художников. Это произведения народного художника СССР А.И. Курнакова "И снова май", "Спасский реквием", "Где погибали, там и хоронили", И.А.Курнакова "Вечная память погибшим в Великой Отечественной войне"; натюрморты заслуженного художника России И.Г. Степанова; портреты А.Г. Костянникова, О.А. Сорокиной; пласт "Флигель изгнанника" Ж.А. Травинской; панно В.В. Олейниковой. Кроме того, отмечены произведения, запечатлевшие те или иные стороны жизни Русской православной церкви, в частности, скульптурный "Портрет Флавиана Городецкого, митрополита Киевского", выполненный Д.В. Басаревым; линогравюра Н.А. Шишковой "Собор Божией матери".

Несомненно, выставка "Возрождение" останется как в истории Союза в целом, так и в летописях орловской организации Союза художников России как яркая, запоминающаяся веха. В день закрытия ее организаторы и участники получили Патриаршие грамоты, благодарности и грамоты от Союза художников России, администрации Белгородской области.

В чем же значимость этого события для орловских художников? На этот вопрос я попросил ответить А.Г. Костянникова, заместителя председателя правления орловской организации Союза художников России:

— Как правило, на крупных выставках всегда очень много работ представляется для выставочного комитета, где идет строгий отбор, и даже работы, которые через него проходят, не всегда в результате находят свое место в самой экспозиции. В Белгороде же практически все работы наших художников были экспонированы. Всякая выставка, будь то крупная, всероссийская, или региональная, сопряжена всегда с финансовыми затратами. Сегодня как никогда становится все сложнее и сложнее решать эти задачи. Тем не менее помощь художникам как всегда оказали и администрация Орловской области, и областное управление культуры. Особая благодарность заместителю губернатора А.А. Лабейкину и начальнику управления культуры О.М. Долягиной.

Всякая выставка, конечно, это не только показ своего творчества, это представление своей области. А еще — среда общения, способ установления контактов с художниками разных регионов. Одним словом, это метод общения. Когда мы на выставке встречаемся воочию, видим работы друг друга — это и есть процесс, который способствует возникновению новых идей, проектов. Орел вполне способен провести выставку самого высокого уровня.

Юрий ЛЕВИН.

НАШИ ВЕЛИКИЕ ЗЕМЛЯКИ

В мае 2005 года исполнилось 200 лет со дня рождения нашего земляка академика российской истории Николая Герасимовича Устрялова. Между тем современному читателю имя автора популярных учебников и фундаментальной "Истории царствования Петра Великого" практически неизвестно. Учитывая размер и многообразие творческого наследия Устрялова, такое забвение кажется заговором молчания потомков.

Знакомый всем, забытый всеми…

Николай Герасимович Устрялов — заметная фигура своего времени как по должности (декан историко-филологического факультета Петербургского университета), по званию (профессор, академик), по близости к власть имущим (придворный историограф), так и по заслугам ученого (член нескольких отечественных и зарубежных научных обществ, кавалер различных орденов за исторические труды). Особо стоит отметить педагогическую деятельность Устрялова, более 30 лет отдавшего преподаванию, автора учебников (переиздававшихся по 5—10 раз). Среди его студентов было много выдающихся общественных деятелей, в воспоминаниях которых имя Устрялова встречается часто. Между тем Д.И. Писарев однажды так обрисовал положение Устрялова: "Кто только не бранил его, кто не изощрял над ним своего копеечного остроумия!"

Со второй половины XIX века в связи с ростом революционных настроений в преподавателях хотели видеть оракулов, борцов, трибунов, активных общественных деятелей. Н.Г. Устрялов же до конца жизни сохранил образ пушкинских "архивных юношей", для которых рабочий кабинет и хранилище документов прошлого были и местом работы, и домом, и обителью. Свидетельство скорого забвения Устрялова находим в описании установления мраморного памятника на его могиле в 1895 году (спустя четверть века после кончины). В краткой заметке упоминается присутствовавшая на церемонии вдова покойного. Между тем его жена, Наталья Яковлевна, умерла в 1837 году, оставив мужу одиннадцатимесячного сына, скрашивавшего одиночество ученого до конца жизни.

Невнимание исследователей советской эпохи к личности Н.Г. Устрялова выглядит прямо-таки парадоксальным. В этот период много сил было брошено на изучение наследия революционеров-демократов, прежде всего Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева. Все они учились в Петербургском университете у Устрялова, оставили воспоминания о нем. Например, читаем у Н.А. Добролюбова: "Как величав Устрялов! Это один из лучших и наиболее уважаемых мною профессоров". Чернышевский называл его имя среди "лучших профессоров, то есть наиболее славящихся", заслуживающих "полного, беспредельного уважения". Кстати, именно Устрялов одобрил и подписал к печати и защите знаменитую диссертацию Н.Г. Чернышевского "Эстетическое отношение искусства к действительности", и лишь вмешательство министра не позволило соискателю получить научную степень.

…Местные краеведы ревностно относятся к сохранению памяти выдающихся уроженцев Орловщины. Опубликованы десятки статей об А.П. Ермолове, И.С. Тургеневе, Т.Н. Грановском. Публикации об Устрялове — редкость, например, статьи В.М. Катанова. Между тем в мемуарах и свидетельствах современников наших известных земляков встречается и имя Устрялова. Тот же Т.Н. Грановский, крупнейший медеевист (специалист по средневековой истории. — ***Авт.***), в университете изучал этот предмет под руководством Николая Герасимовича, как и И.С. Тургенев, слушавший лекции Устрялова, сдававший ему экзамены, задумавший исторический роман под влиянием его научных работ.

Кафедра отечественной истории Орловского государственного университета решила восстановить историческую справедливость, собрав сведения о Н.Г. Устрялове, вернуть наконец его имя землякам.

Достоин ли он нашей памяти? Ответ очевиден. В доказательство приведем лишь один факт. В царской России, разделенной непреодолимыми сословными перегородками, головокружительные перемещения из социальных низов наверх должно воспринимать как чудо. Мы все преклоняемся перед М.В. Ломоносовым, знаем о том, как труден был его путь из помора в ученые. Карьера, сделанная Н.Г. Устряловым, — еще невероятнее. Он родился крепостным, сыном дворового человека князя И.Б. Куракина. В те времена крепостные считались "живым инвентарем", "говорящим скотом", "движимым имуществом", только не людьми. Из социального небытия наш земляк поднялся к вершинам научно-педагогической карьеры — в 29 лет стал профессором кафедры русской истории Петербургского университета, в 31 год избран в Академию наук. Пример, достойный удивления и уважения потомков!

Между тем отношения Устрялова с коллегами были натянутыми. Для издания своих произведений он шел на множество компромиссов с начальством и цензурой, часть его научных воззрений явно устарела, в целом он не выбивался из официально принятых установок в освещении прошлого страны. Однако прошедшие два столетия выявили не только слабые места его творческого наследия, но и подтвердили временем правоту Устрялова во многих спорных вопросах истории России, ценность ряда его изысканий и публикаций.

Современное обращение к биографии и наследию юбиляра позволяет нам развеять и ряд мифов, связанных с именем земляка. Например, практически во всех справочных изданиях те несколько строк, что посвящены Устрялову, характеризуют его как проводника теории официальной народности, а также как придворного историка. Эти моменты нуждаются в уточнении.

Теория "официальной народности" принадлежит С.С. Уварову, основателю Петербургского университета, попечителю учебного округа, министру народного просвещения. Современники прочно связывали имена Уварова и Устрялова, считая последнего протеже первого. Изучение трудов историка показывает, что он был не столько проводником идей Уварова, сколько его единомышленником. (Он был близок к автору идеологической триады "православие—самодержавие—народность" министру просвещения С.С. Уварову, что у коллег вызывало раздражение, а среди оппозиционно настроенной интеллигенции — презрение.) В те периоды, когда Уваров находился не у дел, Устрялов продолжал отстаивать свои представления о значении православия и самодержавия, национального единства в русской истории. Уваров часто с удовольствием посещал лекции Устрялова. Интересно, что Уваров приходился родственником Куракиным и, возможно, оказывал покровительство семье их бывших крепостных. Думается, что отношения Уварова и Устрялова были более сложными, чем просто начальника и слуги.

Звание придворного историографа также следует прокомментировать. До Устрялова такое звание официально носили Н.М. Карамзин и неофициально — А.С. Пушкин. Оно присваивалось для того, чтобы написанию русской истории придать значение труда государственного. С одной стороны, историкам высочайше разрешалось писать научно-исторические труды — "Историю государства Российского" Карамзину, "Историю Петра Великого" Пушкину, учебники и "Историю царствования Петра Великого" Устрялову. С другой стороны, придворные историки допускались в секретные государственные архивы для поиска материалов. Данное звание не несет той смысловой нагрузки, которая подразумевалась, скажем, в советский период — не фаворит, клеврет, царедворец.

С научно-методической точки зрения наследие нашего земляка, опыт его профессорской работы нуждаются в пропаганде и теоретическом осмыслении. В год юбилея 23—26 ноября совместно с управлением общего и профессионального образования администрации нашей области, институтом усовершенствования учителей и администрацией Свердловского района Орловский госуниверситет проводят научно-практическую конференцию "Преподавание отечественной истории в школе и вузе: традиции и современность", посвященную Н.Г. Устрялову.

Необходимо подчеркнуть международный статус конференции. И это не случайно, ведь Устрялов своими трудами заложил традицию рассмотрения отечественной истории по двум параллельным направлениям — Московского царства и Литовской Руси. Такая постановка проблемы актуальна для нашего региона, так как часть территории современной Орловщины в средние века находилась под властью Литвы. После Устрялова тема единства Западной и Восточной России плодотворно разрабатывалась историками и этнографами.

Сейчас же, в эпоху обособления и даже противопоставления славянских народностей, вновь утвердилась тенденция рассмотрения отечественной истории в территориально-государственных границах, что не соответствует исторической истине. И если научное сообщество пока поддерживает устряловские традиции изучения российского прошлого, то его популяризаторы — учителя, авторы учебных пособий и исторических романов — все чаще и увереннее кромсают наше общее прошлое на региональные лоскуты.

Г. ВЕРКЕЕНКО.
Профессор.
О. КАЗАКОВА.
Доцент.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ УГОЛОК

Андрей ШЕНДАКОВ

ДЕБЮТ

След на земле

РАССКАЗ

Откуда эта грусть и боль такая,
Как будто ты уже ступил на край?..
В. Гришковец

С поля повеяло запахом васильков. Влага прошедшего поутру ливня стала испаряться. Перебравшись через скользкую грунтовую дорогу, я прошёл по старой колее к оврагу, где на склонах всегда было много земляники. Не успев подсохнуть после ливня, пшеница промочила мои ботинки, к их подошвам прилипли тяжёлые слои коричневой глины. За лугом, куда вытекал из оврага ручей, блестела река.

Мне было тогда одиннадцать лет.

Ни промокшие ботинки, ни пепельно-белесая бескрайность горизонта, ни безлюдность — ничто не могло остановить моего любопытства, поскольку мне было интересно отыскать подземный ход, ведущий из монастыря к реке.

Сквозь трепет молодых осин, разделяющих полосой поле и овраг, неожиданно раздался сиплый мужской голос:

Гори, гори… моя звезда…
Звезда любви… приве-э-этная…

Песня оборвалась на глухом покашливании, и, посмотрев по сторонам, я увидел сероватый дымок, который кружился над осокой. В высокой траве замерла лысоватая голова (мужчина, закурив, прислушался). На размокшей земле зиял большой след. По нему можно было сказать, что человек, прошедший вдоль поля, был обут в резиновые сапоги.

Почти каждый день Иван Иваныч приходил к склону, вровень с которым на другой стороне стояла кирпичная стена, садился на землю и, размышляя о жизни, курил папиросы.

— Вот, — сказал он, когда я хотел осторожно пройти к роще, — смотри. Был монастырь — остались руины. Одна рухлядь осталась… Стены бузиной поросли, один только чёрт через такую крапиву пролезет. Ни распятий, ни позолоты на куполах нет. Лишь ржавые решётки на окнах. А ночью пойдёшь вдоль тех стен — в яму провалишься. Накопали, крест золотой ищут. …Но крест из храма верующие спрятали — закопали где-то неподалёку… — Иван Иваныч показал пальцем на монастырь и, вздохнув, добавил: — Безнравственность хуже войны…

Услышав слово "война", я в недоумении взглянул на Ивана Иваныча. Его лицо стало ещё серьёзнее, потемневшие от щетины скулы сжались, и, пережёвывая попавший в рот табак, он разразился:

— Господи!!! Тьфу!.. Наверно, никогда у русских людей не будет желания жить по совести!.. А зло… когда оно прекратится?.. Не знаешь?.. Ты ещё совсем пацан… И я не знаю… Мне уже тридцать один год, а у меня — ни денег, ни детей, ни нормальной семьи.

Хотел в институт заочно поступить, но из-за своей нищеты не могу. Был сторожем — и останусь!.. Что-то страшное происходит в нашей стране… Смотри… Одни развалины. Эх!.. Ты меня не бойся, я сейчас… выпью. Не смотри. Не надо… Мне за Родину больно… У нас всегда так: сначала делаем, а потом думаем, рушим — и строим… А зачем рушили?.. Изменить бы всё в лучшую сторону… Но — ничего, всё изменится, всё будет хорошо, надо только верить. Верить — и всё… Да только что я могу сделать для страны в одиночку?..

Я отвернулся лицом к полю, но, оглянувшись, увидел, как Иван Иваныч полез в карман старого пиджака, поднёс к губам бутылку, помял лист крапивы и закусил им, а затем вновь начал рассуждать. Он рассказал о том, что служил в Афганистане. Его мать умерла, когда ей было сорок лет, отец — инвалид, потерявший на войне обе руки… Было мне тогда многое и непонятно, но не обо всём говорил Иван Иваныч. Помню, как он, опустив голову на колени, прослезился и, медленно подняв её, зажал рот ладонью. Напоследок он сказал мне что-то на каком-то странном языке.

Наступил август. После июньского дождя с неба не упало ни капли. Листва и травы начали рано желтеть. Однажды, когда я, перебирая тетради, сидел за письменным столом, в открытую форточку с улицы долетел шум человеческих голосов, которые гудели, словно стая ворон над пропастью. Незнакомая старуха остановилась под окном:

— Захлебнулся, алкоголик!.. Помер окаянный… Чёрт проклятый!.. Отравился…

Выбежав из дома, я увидел, как несколько мужиков несли лысоватого человека. Они положили его на редкую траву под ракитой, показавшей кривые корни в трещинах земли. Толпа в суматохе окружила тело — Иван Иваныч был мёртв.

После похорон я снова ушёл в поле, к оврагу. За минувший месяц в осиннике появилась скамейка… Подойдя к налившейся зерном пшенице, я рассмотрел тот самый след, оставленный после ливня ещё в июне. След, закаменев, продержался до сентябрьских дождей.

"Так бывает, — утешала меня мать, — добрые люди покидают нас, а новые не приходят…"

Прошло более десяти лет. Как-то вечером на склоне загорелась маленькая светящаяся точка — монастырская свеча. Утром я поднялся на холм и остановился у дороги, через которую часто перешагивал в детстве. Вдалеке над чёрной пашней появился странный человек. Когда он подошёл ближе, на нём стала различима ряса: в храме начались реставрационные работы, на центральном куполе установили крест…

Священник прошёл по дороге метров тридцать, невзначай оглянулся и, засеменив по меже, скрылся в ракитнике. Когда я посмотрел ему вслед, то вспомнил сиплый голос Ивана Иваныча, словно вновь зазвучавший в поле у оврага:

Гори, сияй, моя звезда…

Тянувшиеся по сырой пахоте следы напомнили мне о том июньском следе, оставленном в моей памяти. До сих пор на краю оврага стоит скамейка. Иногда около неё собираются паломники.

г. Орел.

Алексей ШОРОХОВ

«Не Она»

Ты лучшей частью своей души
Любила мои стихи.
Но ветер крепчал, и корабль спешил
В пучину слепых стихий.

Но долго и трудно печальный док
Сжимал ладонями трап:
— Еще прощальный гудок не смолк,
Еще не втащили скарб!

И белый корабль дрожал в тиши
Прибрежных и тинистых вод…
Ты большую часть своей души
Пыталась втащить на борт.

* * *

посв. Э…

Твоим долгим молчаньем осенняя роща полна.
В твоих серых глазах растворяются русские дали,
И балтийская в них набирается силы волна,
Словно Китеж встаёт, но уже — из молитвы и стали.

У иных берегов, среди южных созвездий и трав
Я искал эту песню, вникая в напевы чужие.
Столько жизней прожил!
И в итоге, смертельно устав,
Воротился домой, чтоб отныне уже не фальшивить.

Только время право, только
Тот, Кто превыше веков.
Что нам делать с тобой средь
вселенской бестрепетной ночи?
У чужого костра не набрать
для себя угольков.
Здравствуй, серая даль и
молчания полные рощи!

2005 г.
Москва-Орел